

Д. Н. Никитина

КОНЦЕПТ «НЕФТЬ» В ДИСКУРСЕ ЖУРНАЛИСТА НЕФТЯНОГО МОНОГОРОДА

Статья посвящена анализу концепта «нефть» в дискурсе журналиста нефтяного моногорода. Доказывается, что гиперболизация и олицетворение нефти в текстах журналиста г. Стрежевого Томской области А. Шульбаевой приводят к трансформации ее образа в миф о своеобразной первородной субстанции.

Ключевые слова: медиаконцепт, миромоделирующий потенциал, дискурс журналиста, региональная картина мира.

Ася Шульбаева – известная не только в Томске и области, но и далеко за ее пределами, не раз становившаяся лауреатом разнообразных профессиональных конкурсов и премий журналистка издающейся в г. Стрежевом Томской области газеты «Томская нефть». Поскольку Стрежевой является моногородом, в котором фундаментальным градообразующим началом выступает нефтяной промысел, логично, что одним из ключевых концептов, формирующихся в стрежевской медиасфере, является концепт *нефть* (см. об этом: [1]). Воплощение этого социально маркированного концепта в отличие от эмоциональных концептов типа *любовь*, *ненависть* и т. п., требуют от журналиста мобилизации особых лингвокреативных усилий для вовлечения читателя в единое с автором смысловое и ассоциативное пространство.

Материалом настоящего исследования стала подборка статей Аси Шульбаевой за 2006–2009 гг.: «А за плечами – 40 лет и сотни новых скважин»; «А орешки не простые»; «Важно не подкачать»; «Глубин земных первопроходцы»; «Достань свою звезду»; «За разведкой следует наступление»; «На юге не отдыхают»; «Недра»; «От юга до севера»; «Коллектив»; «От юга до севера»; «Подо льдом»; «Полгода: курс верный»; «Разведка дает прирост»; «Сибирский уют»; «Собрать “кубик Рубика”»; «Это были красивые люди»; «И вместе им не сойтись?» и некоторые другие.

Даже поверхностный анализ материала показывает, что образ нефти будто пронизывает все остальные сферы жизни Стрежевого и является смысловым центром, вокруг которого концентрируются остальные темы стрежевского дискурса. Это обусловлено первостепенной ролью нефтепромысла в Стрежевом, объемом и глубиной содержания самой «нефтяной составляющей жизни» города. Добыча и обработка нефти не только образуют основу крупнейшего предприятия всего региона – Сибирской сервисной компании (ССК) и ее отделений, но так или иначе подчиняют себе все прочие организации, производства и компании, деятельность которых не связана напрямую с нефтью, но обеспечивает жизнедеятельность ССК и города.

Неслучайно количество композитов (сложных

слов) с основой, включающей корень *нефт-*, поражает: на 97 184 слова имеющегося у нас корпуса статей стрежевского журналиста Аси Шульбаевой лексемы с этим элементом встречаются 386 раз, сама лексема *нефть* 93 раза, *нефтяной* – 51, *нефтяник* – 26. Сумма всех интересующих нас единиц равна 556, что составляет примерно 0,57 % от общего количества слов в текстах.

Если обратиться к материалам Национального корпуса русского языка (URL: <http://ruscorpora.ru>) и созданного на его основе «Нового частотного словаря русской лексики», то можно увидеть, что «лексем *нефть* и *нефтяной* нет ни в частотном словаре художественной литературы, ни в частотном словаре живой устной речи (в список включены 5 000 самых частотных слов этих подкорпусов), что означает их низкую частотность в текстах данных стилей. Напротив, вполне репрезентативное представительство данных лексем наблюдается в текстах публицистических. Так, *ipm* (instances per million words) – число употреблений на миллион слов корпуса – лексемы *нефть* в публицистике составляет 101,9; лексемы *нефтяной* – 62,1, следовательно, их совокупный *ipm* – 164,0. Для сравнения: совокупный *ipm* лексем *богатый* и *богатство* составляет 155,8; совокупный *ipm* лексем *православный* и *православие* – 125,4» [2, с. 209].

Таким образом, удельный вес искомым единиц в «Новом частотном словаре русской лексики» составляет 0,0164 %, а в текстах Аси Шульбаевой – 0,57 %, что примерно в 35 раз выше.

Одним из основных условий закрепления за концептом статуса ключевого в идиоконцептосфере автора является показатель частотности слов-репрезентантов концепта в его текстах. Следовательно, высокая частотность употребления лексем с корнем *нефт-* свидетельствует о значимости данной единицы для дискурса автора, о ее ключевой роли в формировании базовых концептов языковой картины мира журналиста.

Как показывает анализ, «нефтяной мир» не просто является полновесным и самодостаточным, он раздвигает границы месторождений и города Стрежевого, превращаясь в целую вселенную: «К своей звезде в ходе второго молодежного

турнира акционерного общества «Томскнефть» стремилась каждая из команд-участников». Огромные просторы первозданных сибирских земель известны во всем мире. Но в описании журналиста Аси Шулбаевой особенно отдаленные стрележские нефтяные промыслы разрастаются до глобальных размеров: месторождения изображаются как необъятные пространства, для описания которых используются названия сторон света: восток, запад, север и юг: «От крайней южной до крайней северной точки, находящихся в зоне ответственности восьмого цеха добычи, – 90 километров. Вотчина ЦДНГ-8 – самое большое среди месторождений «Томскнефти» Первомайское месторождение. Поэтому по утрам мастера и операторы добычи отправляются на один из трех участков, именуемых севером, центром и югом Первомайки, и до вечера уже не встречаются».

Интересную интерпретацию получает представление о юге. Как свидетельствует «Русский ассоциативный словарь» [3], в качестве основных реакций на лексему *юг* служат такие ассоциаты, как *север, тепло, море, страны, жара* и пр. В статье традиционное значение слова трансформируется: для нефтяников юг – это прежде всего месторождения, расположенные к югу от Стрележского, а также южная часть территории конкретных месторождений. В анализируемой статье актуализируется значение «юг Крапивинского месторождения». Уже в названии статьи «На юге не отдыхают» автор отталкивается от типичного контекста данной лексической единицы (отдых на юге), навязывая совершенно другое значение, не вполне понятное для читателей других городов и регионов, не погруженных в местный «нефтяной дискурс»:

«– Поехал на юг... Еду с юга. Услышав такой ответ на вопрос “Ты где?”, начинаешь чуть-чуть завидовать. Потому что невольно представляешь море, пальмы, пляж. Но на Крапивинском эти слова означают совсем иное. Здешний юг – место не для отпуска, а для тяжелой, напряженной работы».

И далее разворачиваются самые значимые для нефтяников смыслы, включающие положительную коннотацию, поскольку все единицы, описывающие сложный процесс добычи нефти, труд нефтяников, как правило, оцениваются стрележчанами безусловно одобрительно: «С юга пошла нефть». Поскольку развитие региона всецело зависит от объемов добываемой нефти, процветания нефтедобывающей отрасли, это новое значение лексемы *юг* легко вписывается в «нефтяной дискурс» Стрележского и становится вполне понятным для читателей без пояснений.

С другой стороны, автору свойственно изображение мира, окружающего буровую, как неизвестного – чужого и враждебного людям, где «шаг

вправо, шаг влево карается... падением в болотную жижу, гибелью». Буровая показана как маленькая точка – единственный оплот человеческого существования: «маленький островок среди тайги и болот». В этом контексте месторождение, на котором живут и работают буровики, изображается как средоточие жизни среди неживого и опасного и несущего смерть пространства непроходимых болот. В болотах есть так называемые *окна* – коварные глубокие озера, в которых бывают несчастные случаи, когда тонет техника, гибнут люди. Нужно отметить, что система оппозиций *живое – неживое* в целом характерна для дискурса А. Шулбаевой. Она актуализирует глубинные смыслы, заложенные в сознании сибиряков, окруженных огромными неосвоенными территориями и, таким образом, отделенных от остального цивилизованного мира: суверенность сибиряков, их самодостаточность и замкнутость для остального мира.

В оппозицию *живое – неживое* своеобразно вписывается и *нефть*. Благодаря обильному использованию разнообразных метафор *нефть* в дискурсивном пространстве статей А. Шулбаевой представляется в виде некоего живого организма. Модус эмпатии сопутствует описанию всего процесса бурения, жизни буровой, автор не скрывает своей заинтересованности и участия в нелегком деле добычи нефти, обнаруживая свое к ней отношение, словно к ребенку, только-только рождающемуся (речь идет о строительстве новых буровых), иногда беззащитному перед людьми, всецело зависящему от воли руководства «Томскнефти». Безусловно, такой взгляд передается автору от самих буровиков, проживающих целую жизнь на месторождении и поэтому сроднившихся с ним. Мастер, словно любящая мать, неусыпно следит за ходом бурения, по определенным признакам видит – что-то не так, слушает «шумное “дыхание” буровой». А. Шулбаева отмечает: желание быть «на месте» и непосредственно контролировать процесс долго служило препятствием между буровыми мастерами и новыми технологиями, предполагающими удаленное управление процессом бурения: «Ведь не так просто было переломить в сознании, что твое место в непростой момент – не там, где гремит железо и шумно стравливается пар, не рядом с бурильщиком, стоящим за рычагом-“палкой”, а в жилом городке перед компьютером».

Образ нефти в дискурсе А. Шулбаевой предстает в разных семантических измерениях: нефть – это детище человечества, порождение современной истории – изображается то как податливая, гибкая техника, машина для удовлетворения человеческих потребностей и желаний, то как усмиренная стихия, то как самостоятельная вселенная, абсолютно независимая, существующая по своим

законам. Но человек априори занимает ведущую позицию – позицию управляющего по отношению к нефти.

«Нефть ведь не кончится завтра», а значит, можно еще качать и качать и думать о нефти исключительно как о товаре, который нужно использовать с максимальной прибылью: «...выведенная из консервации скважина 196-Р вносит свою лепту в общий “котел”». От месторождений ждут только положенной отдачи – доходов. Так, о результатах разведки одной из новых скважин журналист пишет: «Десятая Макарьевская, к сожалению, не подтвердила ожидания». Добыча нефти превращается в гонку за успех: «В условиях сегодняшней неопределенности в будущем нефтегазового комплекса Томской области наша первоочередная задача – нарастить объемы эксплуатационного и разведочного бурения на родной земле». Кризис в нефтедобывающей отрасли рассматривается как общероссийская и мировая проблема. О наметившихся перспективах восстановления объемов добычи нефти, а значит, и восстановления рабочих мест и возвращения былых успешных позиций один из рабочих говорит: «Страшно не спугнуть это все. Перспектива вдохновляет, и в то же время страшновато. Пока все опять раскрутится». А времена очень высоких показателей суточной добычи нефти считаются эталонными, образцовыми для демонстрации способностей и мощностей техники в выкачке запасов этого ископаемого из недр земли, когда добыча достигает «потолка»: «Нельзя же добывать с месторождения больше, чем оно дает».

Показателен материал А. Шульбаевой, в котором очередная разработанная скважина рисуется как единица покоряющей природу армии: «Одна пробуренная скважина может стать решающей для поворота целой “армии” в новом направлении». А промышленное освоение нефтяных запасов Томского севера и строительство города в тяжелых условиях описываются как покорение сил дикой природы, привнесение цивилизации: «Вся грязь была наша. Но радость от того, что кругом все начинается, что город растет, была сильнее трудностей».

Статьи, посвященные нефтяникам, отличает героический пафос: «Это были герои нашего времени, люди высокого полета, замечательные хлопцы». Человек в очередной раз примеряет на себя роль творца: «Как из глины в руках гончара получается сосуд, так и здесь хочется посмотреть, что в итоге будет». Категория повседневного события часто нивелируется с целью показать профессию нефтяника как череду сложных ситуаций и бесконечных ЧП, о чем свидетельствует подзаголовок статьи «Хоть мы и не полярники» из рубрики «Испытание» о работе буровиков на отдаленном месторождении в лютые морозы: «Всё в рабочем режиме».

Олицетворение нефти происходит через сравнение одного из этапов ее жизненного цикла с этапом человеческой жизни посредством метафоры «месторождение стареет» или прямого сравнения с человеком: «месторождения стареют быстрее, чем люди». Следуя логике автора, месторождение, совсем как человек, проходит все фазы своего жизненного пути: детство, юность, зрелость, старость. А вид заброшенных, отработанных скважин – своеобразное кладбище месторождений – приводит автора в сожаление: они похожи на безжизненные памятники, запечатлевшие некогда бурную человеческую деятельность, теперь будто застывшую в ненужной технике: «На кустах... качалки теперь стоят просто как символы».

Особым образом названа стадия консервации скважины – время ее «молчания». Скважина представляется не просто живым существом, но существом со сложной организацией, существом, наделенным голосом. Фазы активной ее работы – ее жизни – прекращаются навсегда или временно молчанием, налагаемым человеком.

Но, несмотря на это, именно человек осознает нефть как живое существо: «ремонт “живых” скважин». Ему даже свойственно приписывать ей человеческие качества: герой очередной статьи будто рассказывает о своей близкой знакомой – скважине, он «знает, на что способна каждая из двухсот пятнадцати скважин Первомайского месторождения».

Антропоморфизм отражается и в том, например, что скважина может обладать характером: «есть сложная, капризная скважина». Эта прихотливая скважина, совсем как капризный ребенок, привлекает к себе все внимание мастера. Сейчас над ней «колдуют», как с любовью говорит мастер, – ремонтируют. Отеческое отношение бурового мастера проявляется в его вопросе относительно результатов ремонта: «Ну что, жить будет?», соответственно, специалисты ремонтной бригады похожи «на врачей, собравшихся на консилиум». Из приведенного контекста видно, с каким родственным чувством относятся нефтяники к скважинам, за которые отвечают. Месторождению приписываются те же качества, что и человеку: «Как полагается каждому “уважающему себя” месторождению, Южно-Черемшанское имеет весь положенный для промысла комплекс». Это способствует презентации нефти как личности, причем полноценной, находящейся в гармонии с окружающим миром, достойно себя представляющей. Кроме того, в сознании жителей нефтеграда существует и представление о нефти как о некой субстанции, позволяющей человеку достойно жить и процветать: «Кусты, пробуренные в последние годы... называют кормильцами».

Вместе с тем человек, бесспорно, выступает в роли правителя этих живых существ: только он определяет момент «пробуждения» и «усыпления» скважины, объем ее жизненных ресурсов. Подчеркивается утилитарно-прагматическое отношение к нефти: «Самый “жирный кусок” – это пласт Б-3...» Наибольшее удовлетворение и радость приносят лишь высокие показатели добычи нефти и относительно небольшие затраты, связанные с процессом бурения: «Проверяя утром свой фонд, Сергей с приятным чувством подъезжает к 25-му кусту: “Этот у меня самый хороший, «жирный»: двенадцать скважин, все нефть дают, и процент воды небольшой”. ...Освоение давно пробуренных “разведок” – дело стоящее: приложил минимум усилий – получил максимум удовольствия».

Таким образом, ключевой концепт локальной (в данном случае – стрежевской) картины мира в идиодискурсе талантливого журналиста Аси Шуль-

баевой приобретает объемность и стереоскопичность. Созданный ею образ нефти можно охарактеризовать как разноликий, но целостный, единый. Нефть в картине мира стрежевчан предстает в виде живого существа, часто уподобляется человеку, а пространство «живого» нефтяного мира, окруженного до вселенских размеров. Нефть представляется неким источником жизни: она явилась первопричиной построения нефтеграда, она же гарантирует ему развитие и стабильность. Гиперболизация и олицетворение нефти приводят к трансформации ее образа в миф о своеобразной первородной субстанции. В результате в дискурсе стрежевского журналиста происходит гипостазирование [4] нефти – возведение ее в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо).

Список литературы

1. Орлова О. В. Специфика реализации медиаконцепта нефть в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 1. С. 232–236.
2. Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал: монография. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 254 с.
3. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I. М., 1994. 224 с.
4. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. 445 с.

Никитина Д. Н., магистрант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

D. N. Nikitina

THE CONCEPT “OIL” IN THE DISCOURSE OF AN OIL MONOTOWN JOURNALIST

In the article the author presented an analysis of the concept oil in the discourse of the oil mono-town journalist. The hyperbolization and an oil embodiment in texts by A. Shulbayeva, journalist of Strezhevoy (town in Tomsk region), lead to transformation of an oil image to the first-born substance myth.

Key words: *media concept, world modelling potential, discourses of the journalist, regional picture of the world.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: niki_dasha_11@sibmail.com